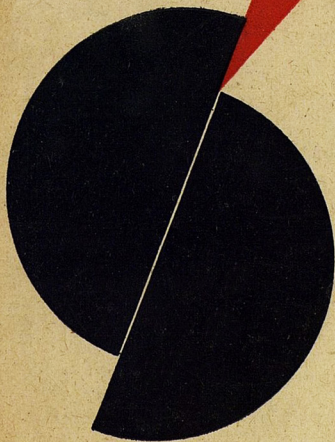

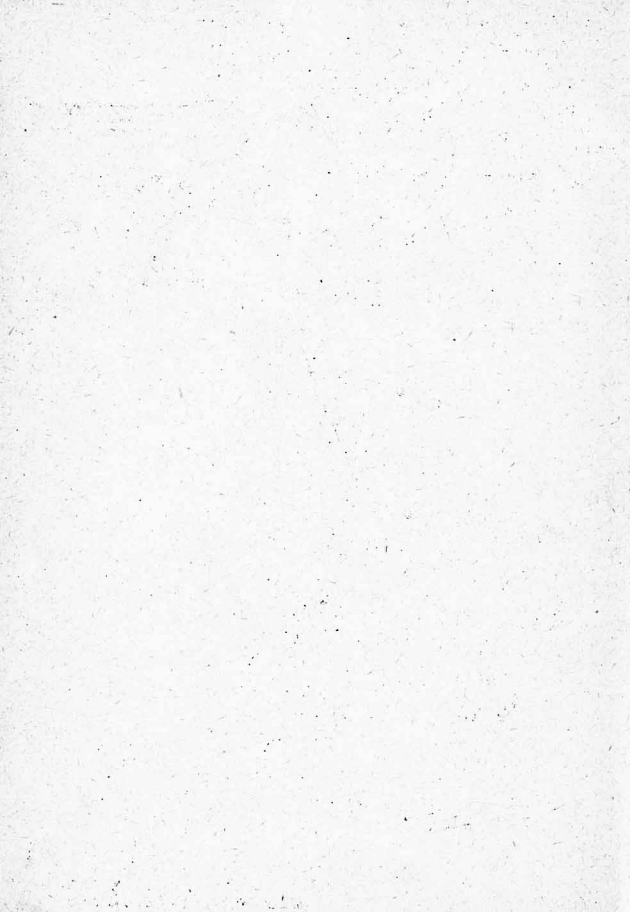
Л.Б.КАМЕНЕВ

ДЕЛО ИЛЬИЧА

Ан. В.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ПРОЛЕТАРИИ"**

Л. Б. КАМЕНЕВ

ДЕЛО ИЛЬИЧА

РЕЧЬ НА VII ВСЕСОЮЗНОМ
СЪЕЗДЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

2-е изд

К.

ЕН141
Д352

1058124 (100-1425) 3970с.т

Типо-цинкография
Кооперативного Издательства
"ПРОЛЕТАРИЙ"
Харьков, Пушkinsкая № 40.

В. И. родился в скромной семье учителя, который своим трудом, постепенно поднимаясь от должности учителя, стал к моменту рождения Владимира Ильича директором народных училищ Симбирской губернии. Все воспоминания, которые сохранились об отце Владимира Ильича, рисуют нам человека очень скромного, чрезвычайно преданного делу народного образования, всю жизнь свою проводшего в деле расширения сети народных школ и их улучшения.

Ильичу было 17 лет, он был гимназистом последнего класса гимназии, когда, по приказу царя Александра III, был повешен старший брат Владимира Ильича, Александр Ильич. Александр Ильич был студентом Петербургского университета и в тяжелейшую годовщину реакции, в эпоху полного торжества царизма, когда во главе правительства стоял самый ограниченный, самый тупой, самый реакционный из русских царей Александр III, в эту эпоху Александр Ильич, собрав небольшую группу товарищей, решил напомнить этому ограниченному по уму, но безграничному по своей власти, монарху, что народные массы России поднимаются, что народные массы России не могут спокойно сносить этот гнет.

С небольшой группой товарищей он подготовил покушение на Александра III, и в тот самый день, когда они с бомбами в руках вышли для совершения этого покушения, благодаря предательству провокатора, они были захвачены полицией и через несколько дней повешены. Я сказал, что Владимиру Ильичу было тогда 17 лет. Мысль его, конечно, была потрясена этой трагедией

его брата. Мысль его должна была заработать в направлении решения вопроса, правилен ли тот путь, который избрал его брат, действительно ли путь освобождения трудящихся масс лежит на путях уничтожения отдельных представителей насилия, царского гнета и капиталистической эксплуатации. Эта дорога—дорога уничтожения отдельных представителей власти была уже испробована предшествующими поколениями революционеров. В продолжение десятилетия революционеры-интеллигенты выходили на единоборство с царской властью, гибли, как герои, в громадном количестве, уничтожая иногда ответственных представителей царской власти. Уничтожили и самого царя Александра II. Но этот испробованный путь явно упирался в тупик. Героическая борьба интеллигенции, оторванной от непосредственной рабочей массы, не давала исхода, не показывала перспектив победы. Царизм оказывался сильнее кучки, хотя бы чрезвычайно героически и жертвенно настроенных, отдельных революционеров.

Мысль Владимира Ильича, естественно, должна была обратиться к вопросу: нет ли среди русского народа такого класса, интересы которого толкали бы его на борьбу со всякого рода и всякого вида гнетом и эксплуатацией?

Найти этот класс в России было тогда чрезвычайно трудно. Многомиллионная масса крестьянства, тяжело страдавшая, была, однако, не организована, рассыпана, не об'единена, политически безграмотна, малокультурна, невежественна, и, хотя время от времени, вспыхивали под гнетом отдельные бунты и восстания крестьян, но единого, об'единенного, из центра руководимого движения крестьянства не получилось, и отдельные крестьянские восстания и движения легко подавлялись царскими войсками и царским офицерством.

Рабочий класс в эти годы представлял едва заметную каплю в русском крестьянском море. Города были слабы, промышленность слабо развита, железнодорожная сеть очень невелика, политически и организационно развитого пролетариата очень мало, и нужно было великое проникновение в самую суть механики классовой борьбы, великое доверие к учению революционного социализма и марксизма, чтобы при этих условиях ответить на тот вопрос, который стоял перед всеми, так, как ответил на него Владимир Ильич.

Его ответ уже тогда, в конце 80-х годов, на самой заре его сознательной жизни гласил: „Освобождение трудящихся масс в России будет сделано не рукой героической интеллигенции, не единоборством этой интеллигенции с царизмом: оно явится результатом стихийного восстания крестьян; нет,—говорил Владимир Ильич,—„это иллюзия, утопия, которая сбивает нас с пути. Нет. Освобождение придет только тогда, когда во главе крестьянских масс, когда во главе всех недовольных станет организованный и проникнутый точным сознанием своих классовых интересов пролетариат“. Этот ответ в то время вызвал насмешки и издевательства. „Как,—говорили тогда Владимиру Ильичу и тем, которые за ним шли,—на какой пролетариат рассчитываете вы в крестьянской стране? Пролетариата у нас почти нет. Вы меняете,—говорили ему тогда,—героическую борьбу революционеров с царизмом на мелкую, невидную, кропотливую работу по организации рабочих кружков. Вы откладываете революцию на долгие годы, пока подрастет пролетариат, пока он поймет свои классовые интересы, пока он сорганизуется и выступит на революционную борьбу“.

Таково было величайшее неверие в силы пролетариата со стороны всех классов тогда, со стороны, так

называемого, образованного общества. И такие люди, как Владимир Ильич (а их было очень немного в те годы), представляли собой совершеннейшее исключение, которые не жалели своих сил для того, чтобы влиять на широкие массы. В то время, когда их противники, сторонники старого, так называемого народнического учения о революции, имели за собой традиции, могли похвастаться и указать на своих погибших в борьбе героев, имели в своих руках легальную и нелегальную прессу, они травили первых марксистов, которые собирались вокруг Владимира Ильича, как людей, которые безумными сказками о несуществующем пролетариате затемняют действительность.

Если бы во главе этих людей у нас, в нашей стране, стоял не Владимир Ильич, а более слабый человек, быть может, под этими насмешками, окруженный этой атмосферой неверия, сдался бы, усомнился бы в своем деле.

Но Владимир Ильич был не таков. Его гигантский ум подверг российскую действительность анализу до конца. Он расчел эту действительность, рассмотрел все стороны экономической и политической жизни страны, взвесил силу революционных возможностей и сказал себе: „Или в России революционный пролетариат родится и поведет народ на борьбу, или Россия будет гнить под царским и капиталистическим сапогом“. И поэтому вывод его был сделан немедленно и это был вывод совершенно практический. Он сказал: „Главное революционное дело сейчас не в том, чтобы готовить бомбы и взрывать жел. дорогу, по которой может проехать царь (чем занимались поколения предшествовавших революционеров). Нет, не это важно. Важнее этих актов, серьезнее и для истории значительнее будет создание хотя бы маленького рабочего кружка, в котором революционный

пролетариат научится понимать свои интересы, который станет завязью для той сети революционного социализма, которая должна впоследствии охватить весь рабочий класс“.

Не обращая внимания ни на насмешки, ни на неверие, глубоко убежденный в потенциальной силе рабочего класса, Владимир Ильич отдается с этого момента построению этих первоначальных первых рабочих ячеек нынешней пролетарской армии. Не думайте, товарищи, что Владимир Ильич всегда, как в последние годы, стоял перед всем миром на виду, как руководитель и вождь десятков и сотен миллионов людей. Было время, когда единственной трибуной, с которой мог говорить Владимир Ильич, была комнатка чернорабочего, в которой то, что теперь в последние годы он развивал на весь мир, он должен был втолковывать максимум десятку рабочих, собравшихся в эту комнатку. И Владимир Ильич не брезговал работой этой, не брезговал ею потому, что завоевание головы одного пролетария он ценил больше, чем какое-нибудь эффектное выступление, яко бы, революционеров. Он знал, что, завоевав голову передового рабочего, он завоевывает рабочий класс через эту голову и что завоевание рабочего класса решает дело. Та работа, которую повел тогда Владимир Ильич, была не так заметна и не видна наружу. Она на наш теперешний масштаб кажется иногда прямо-таки смешной. Но не грех вспомнить, что первый листок, который Владимир Ильич написал к рабочим Семянниковского Петербургского завода, был распространен в количестве всего 4-х экземпляров. Больше нельзя было сделать. Не говоря уже о том, что не было тогда у этой первой группы революционеров ленинского толка типографии, но и о гектографе тогда нельзя было думать. Только рукописная прокламация в 4-х экз., обращенная к рабочим

Семянниковского завода с призывом к стачке—таково было первое литературно-политическое произведение Владимира Ильича. И вот от этой бумажки, от этих нескольких строк обращения Вл. Ильича к рабочим идет непрерывное развитие коммунистических воззваний, которые теперь, за подписью Ленина, рассыпаны по всему лицу земли не только Европы и Америки, но Азии, Африки и Австралии.

Эта работа по созданию рабочих кружков, по смыканию с рабочей массой оказала на Владимира Ильича небывалое влияние. И как бы ни менялась потом форма работы Владимира Ильича, всегда оставалась в нем память об этих первых встречах между ним и пролетариатом, которые прошли в этой обстановке, ибо Владимир Ильич понимал хорошо, что работу среди тогдашнего пролетариата следовало начинать с самых элементарных вещей. Тогда к рабочим массам в той стадии их развития нельзя, немыслимо было еще подойти с прямым призывом, или с прямой развернутой программой коммунистической революции. Надо было пролетарскую массу прежде всего организовать на почве ее основных будничных интересов. И изучение будничной пролетарской жизни, изучение вопросов, ежедневно интересующих рабочую массу, было одним из главных методов Владимира Ильича.

Я помню, как Владимир Ильич рассказывал мне (да, эти воспоминания теперь повторяются часто), как он, сходясь с пролетариями в те годы, выпытывал у них все правила будничного распорядка в цехе, мастерской, на фабрике, правила о штрафах, правила, которые устанавливают внутренние инструкции, внутренние распорядки. С этого конца, с бытового, с интересов, которые задевали каждого рабочего, хотел он подойти к рабочей массе и это дело ему удалось.

Развивая в Петербурге свою работу, Владимир Ильич пришел к тому, что уже через год, в 1895 году, в конце, под его руководством организовался первый Комитет нашей партии, который носил тогда название „Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса“. Это была первая рабочая коммунистическая революционная организация, которая положила основание всему дальнейшему ходу революционно-марксистского движения среди рабочих масс в России. Эта организация, благодаря тому методу работы, который указал Влад. Ильич, уже в следующем году, 1896, привела в неслыханной в России по своей громадности и по своему упорству стачке петербургских рабочих. Впервые в столице царя, в отсталой России, о которой говорили, что в ней нет пролетариата, что пролетариат, поскольку в ней он есть, не организован и распылен, впервые пролетарская масса организовала стачку, в которой принимало участие 40.000 рабочих, которая продолжалась несколько недель и которая произвела потрясающее впечатление не только в России, но и за границей. Впервые люди, не верившие в существование пролетариата, должны были сказать: да, пролетариат есть не только, как сумма эксплуатируемых наемных рабочих, но как определенно организованная сила, сознавшая свои интересы и готовая к организованному и упорному выступлению. Европейские рабочие тогда впервые узнали, что не только в странах давнего промышленного и капиталистического развития, как Франция, Англия и Германия, но и в царской России есть рабочий класс, и этот рабочий класс движется, начинает двигаться по дороге решительной борьбы против царизма и против капитализма.

В самой этой стачке Владимир Ильич не мог уже участвовать: за несколько недель до нее он был арестован (9 декабря 1895 г.). Вместе с ним была арестована

верхушка всей этой организации, но корни ее в рабочей среде были уже настолько глубоки, что даже арест верха организации не смог сорвать уже подготовленной и широко организованной забастовки. Владимир Ильич просидел в тюрьме тогда 14 месяцев и затем был выслан в Восточную Сибирь на 3 года. Эти 4 года, когда он был насильственно оторван от непосредственной пролетарской работы, прошли для Владимира Ильича, однако, не даром. Не только в ссылке, но и в тюрьме он продолжал упорнейшую работу по организации нашей партии. Эта работа могла быть только теоретической, только идейной, и, несмотря на все крепкие запоры царских тюрем, Владимир Ильич оттуда, сидя в Петроградских Крестах, фактически руководил рабочей организацией в городе. Он употреблял все способы конспирации для того, чтобы передавать на волю прокламации, которые к тому времени уже несколько ставший на ноги Союз Борьбы писал уже не от руки, а большей частью гектографировал, а иногда даже и печатал в тайных типографиях. Но не только прокламации писал Владимир Ильич в тюрьме, он писал брошюру, но больше того, он там обрабатывал первую для нашей партии созданную в России программу нашей партии. Первый набросок программы, которую мы имеем и которая создана была в России,—это проект программы, написанный Владимиром Ильичем в 1896 году в тюрьме и пересланный на волю из-за тюремных стен. Правда, этот проект программы затем затерялся и, прошло более 20 лет, когда мы теперь в стенах архивов среди старых бумаг, пользуясь результатом жандармских хранилищ, смогли этот проект программы найти и опубликовать.

Для того, чтобы не порывать связи с рабочими своей организации, Владимир Ильич употреблял всевозможные

методы, и Надежда Константиновна Крупская, которая тогда служила связью между сидевшим в тюрьме Владимиром Ильичем и организацией рабочих на воле, рассказывала, до чего доходил Владимир Ильич в своих настойчивых попытках не оторваться от рабочего движения. Он писал свои прокламации, писал свою брошюру, писал этот проект программы жидким молоком среди книг, среди строчек в книгах, которые ему приносили с воли и затем через жандармские лапы эти книги, начиненные уже революционными мыслями Владимира Ильича, но скрытыми, проходили обратно и поступали в организацию. Это писание молоком надо было скрывать от тюремных сторожей, и Владимир Ильич придумал способ. Из черного хлеба, который давали для еды тюремным сидельцам, Владимир Ильич клеил маленькие чашечки, в которые наливал молоко и, мокая перо в эту молочную чернильницу, писал, а когда чувствовал, что сзади в тюремный глазок смотрит надзиратель, опрокидывал эту чернильницу себе в рот. Таким образом, ему, благодаря выдержке, хладнокровию, изобретательности, удалось во все время своего тюремного сидения поддерживать сношения с организацией и влиять на формирования первых практических шагов первой рабочей организации.

Он уехал через 14 месяцев тюрьмы в ссылку и попал в Минусинский уезд, село Шушу. Там он прожил три года. Эти три года были посвящены прежде всего созданию научной работы Владимира Ильича, одному из главнейших его трудов, который называется: „Развитие капитализма в России“. Это название легальное, сделанное или придуманное отчасти для того, чтобы царская цензура эту книгу допустила. На самом деле содержанием этой книги является глубоко научное, основанное на переработке всего статистического материала

об экономике России доказательство того, что Россия неизбежно идет путем, который создает сам пролетариат, доказательство того, что этот пролетариат в России уже является экономической решающей силой. Но Владимир Ильич никогда не удовлетворялся чисто научным или чисто литературным трудом. Мы с вами хорошо знаем, что Владимир Ильич имел одну основную цель в своей жизни и этой целью была революционная победа рабочего класса. Все остальное было этому подчинено. Если для того, чтобы обосновать победу рабочего класса, надо было засесть за научный материал, за статистику, рыться и копать в длинных рядах цифр, то Владимир Ильич становился ученым для того, чтобы научно обосновать программу рабочего класса. Если в другой период положение нашей партии требовало, чтобы тактика рабочего класса была основана на философских предпосылках, то Владимир Ильич, который не считал себя философом, садился за изучение философии и проводил за этим делом несколько месяцев, углубляясь в это дело потому, что он знал, что это надо изучить для той цели, которой он служит. Владимир Ильич много написал. Владимир Ильич является, несомненно, и в области экономики, и в области статистики, и в области истории, и в области философии—одним из величайших ученых, но вся его наука носила чисто практический характер. Не наука для науки, не философия для философии, не литература для литературы, не публицистика для публицистики, — а все это только для революции постольку, поскольку это нужно рабочему классу и только в том виде, в каком это может стать орудием его освобождения в руках рабочего класса. Этой верховной целью, которая всегда стояла перед Вл. Ильичем и от которой он никогда не отклонялся, объясняется то, что все его произведения

с самых первых до самых последних носят характер боевых выступлений, носят такой характер, как будто Вл. Ильич думал, как можно лучше вооружить рабочий класс и, если для этого вооружения нужны были толстые книги, он писал толстые книги, если для этого вооружения нужны были прокламации или листовки, то он делал эту работу. И в ссылке, не ограничиваясь созданием той книги, которая на десять лет явилась фундаментом для всех сторонников Маркса в их борьбе со всем строем буржуазии, не ограничиваясь этим, он повел оттуда из Сибири самую ожесточенную, бешеную, как он выражался, борьбу с тем неправильным уклоном в рабочем движении, который тогда проявлялся.

Если вы вникнете во всю историю деятельности Вл. Ильича, то вы увидите, что громадная доля энергии, громадная доля ума Вл. Ильича была посвящена именно борьбе со всякого рода уклонами, которые пытались найти себе место в рабочем классе. Почему? Вл. Ильич дал сам это объяснение и письменное, и неоднократно раз'яснял это и устно: рабочий класс везде и всюду окружен буржуазной средой, в России рабочий класс окружен мелко-буржуазной средой, везде и всюду буржуазия пытается влиять на рабочий класс, и нет такой каменной или стеклянной стены, которая отделяла бы в действительном смысле весь рабочий класс от всего, что не есть пролетариат, и поэтому неизбежно проникновение буржуазных тенденций, проникновение мелко-буржуазных иллюзий, ошибок и обманов в те или другие слои рабочего класса, особенно в те слои рабочего класса, которые только начинают подыматься, которые только начинают перевариваться в котле крупной машины индустрии. Такие влияния постоянно пытаются завоевать рабочий класс для себя и этими влияниями буржуазия берет за голову рабочего класса.

Мы с вами на тяжелом опыте убедились, что иногда буржуазии удается завоевать голову части пролетариата и что это есть самое крупное ее завоевание. Мы видим перед собою английский рабочий класс, американский и германский рабочий класс и мы видим, что часть этих пролетариев все еще находится под давлением и влиянием мелко-буржуазных, а иногда прямо буржуазных предрассудков и нам, коммунистам, прежде, чем завоевать власть в том или другом государстве, приходится предварительно, завоевать мозги пролетария. Вл. Ильич с самых первых своих политических шагов знал эту опасность, которая угрожает рабочему классу, и вот поэтому он был так непреклонен по отношению ко всякому уклону, который проявлялся в ходе рабочего движения. Он понимал, что буржуазия гораздо богаче в смысле влияния на нас, что в ее руках тысячи способов влиять на голову рабочего, что у буржуазии имеются традиции, воспоминания, невежество, забитость, все школы, вся религия, все университеты, вся буржуазная наука. А против этого что?... Классовый инстинкт пролетариата. Тот его разум, который выковывается в ходе самой борьбы. И вот соскрести эту шелуху старых традиций, прояснить, просветить голову пролетария—это можно было только неустанной, ни перед чем не останавливающейся борьбой за все основные принципы революционного коммунизма, иначе говоря марксизма. И вот почему вся жизнь Владимира Ильича была неустанной борьбой за эти принципы против всех возможных форм буржуазного влияния на пролетариат.

Это началось с самых первых шагов рабочего движения. Эта борьба, которую так блистательно провел Вл. Ильич, разоблачив перед пролетариями всего мира подлинную буржуазную сущность всех так называемых социалистов, анархистов, меньшевиков, революционеров

и как бы они там ни назывались, эта борьба еще не закончена. Мы эту борьбу продолжаем и, естественно, мы в этой борьбе можем победить, и мы должны победить в этой борьбе, где ставкой является череп пролетария, мы должны следовать заветам Ильича, который говорил: в области идей, в области принципов революционной борьбы, в области основ революционного марксизма—никаких уступок. Борьба до конца.

Первая попытка, с которой Владимиру Ильичу пришлось столкнуться,—с попыткой затушить революционное движение пролетариата, направить его в другое русло, был так называемый экономизм. Когда я говорил о том, что В. И. для того, чтобы подойти к делу организации пролетариев, начал с самого будничного, с штрафов, с мастеров, с длины рабочего дня, с той или другой обиды, то мы понимали с вами, что у него была верховная цель, что это был подход, но что Ильич видел цель рабочего класса гораздо дальше и гораздо выше, чем борьба с тем или другим злоупотреблением. Не с тем или другим злоупотреблением капитализма звал нас бороться Вл. Ильич, а с самими основами капитализма. Он вел рабочий класс к пониманию основ капиталистического угнетения через эти отдельные злоупотребления. Но нашлись люди, которые этот подход возвели уже в принцип, которые сказали: рабочему классу надлежит вести борьбу за свое экономическое положение. Ну—и все. Дальше ему идти не зачем. В политику мешаться—это не его дело. Пускай рабочий на своей фабрике, на своем заводе, в своем союзе борется за улучшение своего положения. Мы его поддержим. Но когда дело идет об общеполитических задачах, тут нет дела рабочему классу. Тут и рабочий, и крестьянин, и угнетенный интеллигент, и обездоленный буржуа, которому надоел городской и его взяточничество—тут они

должны выступать единым фронтом. Эта теория тогда получила название экономизма и против этой теории раздался впервые голос Владимира Ильича и бешеная его атака. На самом деле, как мы теперь-то с вами, через 25 лет после этой борьбы с экономистами, понимаем, это так называемое экономическое течение, оно было именно ни чем иным, как попыткой буржуазии придержать рабочее движение под своим крылышком, не дать рабочему классу развернуть самостоятельные политические силы. И эта линия затем идет через всю политическую программу противников Вл. Ильича. Она переходит от экономистов к меньшевикам, от меньшевиков к ликвидаторам, оттуда к эсерам и всюду и везде, на всем пути, на всем длинном и тернистом пути рабочего движения в России мы видим борьбу двух тенденций: одна—ленинская; другая прикрывается разными названиями, фигурирует под разными масками, но всегда имеет одну цель—поставить рабочий класс под руководство буржуазии. Иногда эта вторая тенденция прикрывается высокими революционными лозунгами, иногда она действует на широкие, даже рабочие, массы, особенно на отсталые слои пролетариата. Получается увлечение то меньшевиками, то эсерами. Но на самом деле под этими разными масками кроется всегда одна тенденция, которая проходит через всю историю, и этой тенденции, сворачивающей рабочий класс под господство буржуазии, противостоит другая тенденция—ленинская тенденция самостоятельного классового революционного движения пролетариата, который, по его мнению, должен был уже и в царской России воевать не только против царизма, как звали его меньшевики, но и против царизма, и против либерализма.

Вы знаете, что накануне первой Российской Революции 1905 года произошел в нашей партии тот раскол

на большевиков и меньшевиков, который решил дальнейшую судьбу революции. Теперь, по письмам Вл. Ильича, по его рассказам, мы знаем, как тяжело переживал В. И. этот раскол. Многим казалось, что Вл. Ильич, по натуре раскольник, или, как его называли, сектант. Прямолинейный человек, не идущий на соглашение даже со своими ближайшими соседями, жертвующий ради своей линии тем выигрышем, который казался ясным, если соединить Вл. Ильича с его соседями справа и слева. Но на самом деле тут дело шло не о сектантстве В. И., не о его какой-нибудь предвзятости, непримиримости. Тут дело шло о том, что создать революционную партию пролетариата в стране, насыщенной мелко-буржуазными отношениями, мелко-буржуазным и буржуазным влиянием нельзя было иначе, как путем самой резкой, самой бешеной, самой непримиримой борьбы с малейшим уклоном.

Накануне 1905 года эти разногласия раскрылись целиком. Я не имею времени для того, чтобы проследить с вами, хотя это очень интересно, шаг за шагом всю историю борьбы Владимира Ильича за самостоятельную революционную политику рабочего класса, но напомним, что уже в 1905 году, накануне первой революции, выяснились сразу два пути, которые лежат перед рабочим классом России. Один путь был оформлен меньшевиками и этот путь они обрисовали такими словами: рабочий класс должен развивать свое движение таким образом, чтобы не напугать буржуазию. Боритесь, говорили они,—с царизмом, но так как и буржуазия воюет против царизма и в этот момент она была против царизма, то рабочий класс должен быть умерен, ограничен в своих требованиях, не выставлять таких лозунгов, которые бы отпугивали буржуазию в стан царизма. Это была одна линия, и меньшевики эту линию проводили. Это важно отметить, потому что меньшевики тогда еще

имели влияние среди рабочего класса и некоторые группы рабочих шли за ними тогда. А линия Владимира Ильича была прямо противоположная. Линия Владимира Ильича заключалась в следующем: перед нами грандиозное революционное движение. Это грандиозное революционное движение может кончиться двояко: оно может кончиться тем, что соединенные силы всех недовольных сбросят царизм, и на месте царизма создастся обычное буржуазное, хотя и очень демократическое государство, в котором рабочий класс будет находиться под руководством буржуазии. И есть другой путь—это великая революция, которая не ограничится таким выкидышем демократического строя, а развернется до самого своего конца, а кто—спрашивал Владимир Ильич,—может развернуть революцию до конца? Только,—гласил его ответ,—рабочий класс, если он увлечет за собой крестьянство, если рабочий класс докажет крестьянству на деле, что крестьянству выгоднее пойти с рабочим классом в деле его социалистического строительства, и таким образом вырвет крестьянство отсталое, живущее по традициям, привыкшее к известным формам экономического бытия, вырвет его из-под влияния буржуазии. Борьба, таким образом, между пролетариатом и буржуазией за влияние, за захват основной массы населения, которая решает дело борьбы, за крестьянство—вот в чем Владимир Ильич видел основную задачу не только в революции 1917 года, но уже в революции 1905 года.

Вспомните, товарищи, что все буржуазные революции XIX века, до нашей революции, Октябрьской, все они кончались такими выкидышами, потому что буржуазия в решающий момент могла опираться на пассивность крестьянства, и рабочий класс не имел за собой активной поддержки. Крестьянские восстания бывали разбиты и вновь крестьяне были поработочены.

Общая история всех буржуазных революций имеет такую схему: пролетариат идет вперед, дерется на баррикадах, ниспровергает царизм, а на следующий день сам пролетариат погибает под штыками какой-нибудь буржуазной партии, под равнодушие крестьянства, которое считает себя удовлетворенным. И на этом революция кончается торжеством буржуазии.

Вот таких путей нужно было избежать российскому пролетариату, а на этот путь влекли его все партии, за исключением большевиков. Меньшевики говорили: „бога ради, не отпугните буржуазию, она перекинется в царский лагерь, и мы будем разбиты“. Все партии, по ясным классовым интересам, желали такого исхода. Только схема Владимира Ильича звала крестьянство по другому пути. Как же рисовал себе Владимир Ильич механику этой борьбы? Да, первая задача—завоевать мозг пролетариата—она есть. Вторая задача этот пролетариат, проникнутый революционным духом и революционной теорией, должен увлечь за собой крестьянство. Эту поддержку крестьянством рабочих в революции 1905 года рисовал Владимир Ильич уже тогда, как диктатуру пролетариата и крестьянства, и тогда в первых Советах рабочих депутатов, которые просуществовали тогда несколько недель, Владимир Ильич видел завязь новой революционной власти. Не думайте, товарищи, что идею Советов рабочих депутатов, как не только собрания, которое обсуждает тот или другой вопрос, но как новый тип государственной власти, как тот тип государства, в котором осуществляется диктатура пролетариата, что эту идею Владимир Ильич привез из-за границы в апреле 1917 года, когда из изгнания вернулся к нам сюда. Нет, эта идея родилась у него, когда он наблюдал первый Совет рабочих депутатов в Петрограде в 1905 году. Ложь, будто бы нам, большевикам, под руководством

Владимира Ильича, в 1917 году пришлось сразу перестраивать фронт и давать новые лозунги. Нет, с 1905 г. основные лозунги, основные методы действия и даже отдельные проблески нового типа Советского государства были уже у большевиков, и значит, прежде всего, были у тов. Ленина. Этому он научился не из книжек, потому что он неоднократно говорил всем и, между прочим, мне, что в книгах самых хороших написано, почему пролетарская революция неизбежна, но нет такой книги, где было бы написано, как пролетарскую революцию делать, и что делать на следующий день, когда пролетариат возьмет власть. Этих двух книг Маркс не написал. Маркс написал и показал, как неизбежно капитализм, фабрика и завод создадут пролетариат, как этот пролетариат неизбежно поднимется на восстание против капитализма и как неизбежно превращение капиталистического общества в новое социалистическое. Но как делается социалистическая революция и что делать на следующий день после того, как пролетариат получает власть в свои руки,—эту книгу написал только Ленин и даже не в книге, не в книге у Владимира Ильича, где эти ответы были бы написаны, но они написаны у него делом, начиная с Октябрьской Революции, накануне ее и до последнего дня. Хотя Владимир Ильич Ленин, как на гранитном фундаменте, стоит на учении Маркса, но он продвинул это учение вперед, продвинул именно так, что перевел научный социализм из теории о превращении капиталистического общества в социалистическое общество и о создании социалистического общества, переведенного в социализм действия, показал, как это делается, и этот величайший урок марксизма, который лично принадлежит тов. Ленину, и является уроком всемирно-исторического значения. Он превратил партию ленинцев в образец для пролетариев всего мира.

Возвращаясь на минуту назад, я скажу, что нужно знать собственный корень, нужно помнить, что основы большевизма, как пролетарского социализма в действии, были созданы уже в 1905 году соединением величайшего ума Владимира Ильича с теми массовыми стихийными действиями, которые тогда разворачивал пролетариат. Вы знаете, что после того, как эта схема была намечена, Ильич сказал: „Мы боремся не только с царизмом, мы боремся с либерализмом и с капитализмом за то, чтобы присоединить к себе крестьянство и чтобы, соединившись вместе с крестьянством, установить диктатуру пролетариата и крестьянства через Советы рабочих и крестьянских депутатов“. Вы знаете, что эта схема, выдвинутая им в борьбе с либералами и с кадетами, с меньшевиками, с эсэрами и со всеми даже колеблющимися в нашей среде, что эта схема при первом своем появлении была разбита.

Почему первая попытка рабочего класса, руководимого Владимиром Ильичем, была разбита? Потому, что мы завоевали тогда крестьянство, но далеко не все, и потому, что крестьянство оказалось тогда достаточно отсталым и достаточно подчиненным своим буржуазным и мелкобуржуазным влияниям для того, чтобы дать царизму такую армию, которая задавила восстание в 1905 году. Та революция пролетариата, поддержанная стихийно аграрным движением крестьянства, была задавлена руками крестьян-солдат, которых обморочили. Наступила полоса реакции. Опять наступил момент, когда малейшая слабость и малейшее колебание могли бы погубить все дело партии. Было разбито революционное движение рабочего класса, затоптано в кровь и грязь. Аграрное крестьянское движение погубло в крови. Буржуазия заключила сделку с царизмом. Царизм дал ей подачку. Воцарилось внешнее спокойствие и нашлись революционеры,

неры, те же меньшевики и эсэры, не говоря о кадетях, которые заявляли: „революция была первая, а второй революции в России не бывать. Россия пойдет по мирному пути развития. Не бурными революционными кризисами будет дальше продвигаться ее развитие, а медленное развитие уступочками, даваемыми рабочему классу. От буржуазии будет зависеть то или другое улучшение его положения“.

Вся обывательщина, все так называемое образованное общество ссылалось на упадок революционного настроения в рабочем классе и крестьянстве. Пели панихиду по революционерам и удивлялись на Ленина, который один остался на посту и говорил: как бы вы ни торжествовали, будет на нашей улице праздник. Этого праздника, товарищи, пришлось ждать очень долго и в очень тяжких условиях. Не было такой эпохи, ренегатства, отчаяния, уныния, оплевания всех революционных традиций 1905 года, как в эпоху после разгона 1-ой и 2-ой Думы с 1907 года вплоть до 1912 года. Темная ночь нависла над нашей партией; лучшие люди были на каторге, в тюрьмах, Ленин с небольшой кучкой эмигрировал за границу в Женеву, партия умерла и на костях ее торжествовали ликвидаторы, которые говорили, что партия больше не нужна, что дело решено, история взвесила и решила: первая революция была, а второй не бывать. И против этой громадной волны уныния, ренегатства, отчаяния, отступлений и предательства Вл. Ильич один держал знамя в полной уверенности, что вторая революция неизбежна, что, несмотря на виселицу Столыпина, несмотря на военные суды Николая II, несмотря на то, что лучшие силы рабочего класса были вырваны из его рядов в первых боях, Вл. Ильич говорил: „Не было такой революции, которая победила бы сразу; рабочий класс идет к победе через поражения, тот, кто падает

духом после первого поражения—не революционер“. И он занялся изучением действительности, зарылся в киги, в статистику, в экономику и пришел к выводу: „Нет. Революционная задача не разрешена. Крестьянство не удовлетворено, рабочий класс не может успокоиться. Вторая революция неизбежна и к этой революции должны готовиться те революционные марксисты и те революционные коммунисты, которые не хотят продать свое звание революционных коммунистов“. Вот во главе этой маленькой группы Ильич стоял вновь на развалинах первой революции и строил новую партию. И вы знаете, как пришлось Вл. Ильичу работать в течение 4—5 лет. По клочочкам составлял он вновь партию и дожидался того момента, когда для всех стран было ясно, что его теория оправдалась, а теория умеренных постепеновцев, которые пели панихиду русской революции, была похоронена.

Через 12 лет после этой реакции вновь начинается волна рабочего под'ема. Ленский расстрел прозвучал, как набат, и, конечно, мог так прозвучать, потому что уже в предшествующий период везде и всюду рабочий класс оправился от поражений, вновь в нем накопилась революционная энергия. Прошло настроение подавленности и разбитости, а ленинская организация, которую он основывал за границей, склеивал из маленьких лоскутков, оказалась на своем посту и смогла поднять то знамя, которое рабочий класс выронил под ударами царских штыков в 1912 году. С 1912 года, пользуясь всеми реальными возможностями, применяя всю гибкость своего тактического гения и соединяя подпольную деятельность с надпольной, с легальной работой по захвату легальной печати, по использованию трибуны в Государственной Думе, Владимир Ильич вновь широко развертывает знамя революционной борьбы. И вы знаете, что история не только подтвердила правильность той

перспективы, того прогноза, который поставил Владимир Ильич в самые черные годы, но больше того—широким размахом от 12—13 и начала 14 года история подтвердила, что Россия шла к новой революции и что эта новая революция не могла совершиться в иных формах, как в форме диктатуры пролетариата, ведущей за собой крестьянство и борющихся, не только против царизма и либерализма, но и против предателей социализма, тех предателей социализма, предательство которых заключалось в том, чтобы приучить рабочих к мысли о подчинении их буржуазным руководствам. Это влияние было порвано.

Империалистическая война застала Ленинград в баррикадах, но эти баррикады моментально исчезли с лица земли, когда раздался призыв труб империалистической войны и мы вновь вступили в самый мрачный период для рабочего движения и для подлинного социализма. В этот момент Вл. Ильич опять оказался один. Опять он остался один, борец за социализм. Все, даже самые заслуженные, те, у которых издавна мы привыкли учиться—Каутский, Гед—оказались в этот момент в другом стане и заняли позицию, которая, собственно говоря, превращала их в наемников буржуазии для вербовки солдат для империалистической войны. Оказалась, что буржуазия использовала обстоятельства очень хорошо. Вербовать солдат для своих армий среди пролетариата Пуанкаре, Ллойд-Джордж сами не могли. Им необходимы были передаточные инстанции—люди, которым бы пролетариат верил, за которыми бы пролетариат пошел, обманные речи которых пролетариат выслушал бы. И здесь все эти Каутские, Вандервельды и Шейдеманы были как раз дудками, на которых наигрывала буржуазия и за которыми, как это ни горько сказать, но (надо смотреть прямо в глаза действительности)—пошла громадная доля рабочего

класса. Понадобились испытания самой империалистической войны, понадобилось, чтобы рабочие сами пережили и испытали окопы и ужасы войны, чтобы они на деле научились понимать, что эта война есть война буржуазии с буржуазией за интересы только буржуазии, под буржуазным знаменем—борьба и война против интересов рабочего класса. И нужны были величайшие усилия, нужна была колоссальная сила воли и величайшая вера в разум рабочего класса для того, чтобы при этом всеобщем безумии, в которое был ввергнут весь мир, в этой борьбе остаться на своем посту и сказать: „Да, рабочий класс идет по неправильной дороге, но я знаю революционный путь, я остаюсь на своем посту, зная, веря, будучи убежден, что рабочий класс через испытания войны вернется на правильную дорогу“.

Эту позицию один во всем мире занял Владимир Ильич. Безумцем казался он тогда, безумным казался слабый голос человека, эмигрировавшего, заброшенного на чужбину, не имевшего средств на то, чтобы написать мелкий листок воззвания к пролетариату, который, написав этот листок, не имел возможности даже его напечатать и распространить. И вот он один возвысил голос против войны и один он верил, что пролетариат вернется с этого пути, на который его толкали Каутский и Вандервельде. И он дождался этого момента. Первый прорыв капиталистического фронта был совершен нашей революцией, и первый лозунг, который выбросил Вл. Ильич, когда вернулся из изгнания и эмиграции в Россию, был: „Мы, захватившие власть в свои руки, здесь должны развернуть нашу революцию в мировую революцию, чтобы сделать невозможным повторение империалистической войны“.

Вся дальнейшая деятельность Вл. Ильича прошла под этим знаменем. Вы знаете, товарищи, что было много колебаний и среди самого рабочего класса, и даже среди

большевистской партии перед грандиозной задачей, которую поставил перед нами Вл. Ильич, когда он сказал нам: „Товарищи, пришла пора, когда мы должны с вами не только сбросить старую власть, но мы должны с вами отважиться взять власть в свои собственные руки и руками рабочего класса строить новое государство“. Когда раздались эти слова, то многих обуяло сомнение, слишком тяжела казалась ноша, которую Вл. Ильич хотел возложить на плечи рабочего класса России. Выдержим ли мы, устоим ли мы, не будет ли наш захват власти только эпизодом, только таким же эпизодом, какие, к сожалению, бывали в других странах, и не будет ли наше восстание только восстанием Парижской Коммуны, которое потом, через 70 дней, было задавлено в крови буржуазией? У Вл. Ильича не было сомнений, он шел напрямик в твердой уверенности, что империалистическая война, горечь и негодование, которые скопились в среде трудящихся против того строя, который привел к этой войне, приведут к тому, что власть мы не только захватим, но мы ее удержим. Вся дальнейшая работа Вл. Ильича была посвящена тому, чтобы, держа в руках власть, отбиться от врагов и заложить первые камни нового социалистического строя.

Я уже говорил, что тут не было у нас никаких примеров, и не было у Вл. Ильича никаких руководств, не было какого-нибудь исторического примера, по которому можно было бы решить тот или другой вопрос, а вопросы, которые вставали перед всеми нами, перед каждым из вас, а особенно перед Вл. Ильичем, как руководителем нового типа государства, были необычайно велики, разнообразны, необ'ятны и жизненны тем, что задевали каждого человека в громадной стране. Мы имеем в первый раз в истории опыт построения пролетарского государства в условиях наименее выгодных.

Первое пролетарское государство было установлено в стране, которая, по характеру своей экономики, является мелко-буржуазной страной, и в продолжение годов мы не получаем непосредственной прямой поддержки от пролетариата больших капиталистических стран и остаемся единственной пролетарской республикой. Провести среди этих трудных условий наш корабль с тем, чтобы он не разбился ни о белогвардейские подводные камни, ни об экономическую разруху, ни о голод, ни о недовольство, ни о неорганизованность, построить новый, весь сверху донизу государственный аппарат, создать Коминтерн, как международную организацию пролетариата,—такую работу, конечно, может поднять на свои плечи только величайший гений всех веков. И грандиозность этой работы, ее новизна настолько ясны всем, что нет ни одного буржуазного противника, или даже нашего ненавистника, который, изливая потоки клеветы на нашу партию и, в частности, на Вл. Ильича, не должен был признать все-таки этого величайшего государственного деятеля, которого видел мир, но величайшего государственного деятеля, надо добавить, который создает новое невиданное государство. Мы с вами знаем, что эту постройку Вл. Ильич не закончил, он заложил ее основы, он показал нам, как необходимо маневрировать для того, чтобы это новое государство вывести из тех подводных камней, о которые оно может разбиться. Мы еще далеки от того, чтобы сказать, что фундамент социалистического государства заложен окончательно и его рисунок нам совершенно ясен.

Владимир Ильич говорил неоднократно: „Революция в России, революция российского пролетариата может быть закончена только революцией пролетариата нескольких передовых стран. Мы сейчас находимся на этом переломе, мы укрепляем свою революцию, мы добились

такого положения внутри и вне, когда нам непосредственно не может угрожать ни извне, ни изнутри какой бы то ни было сокрушительный удар, но мы еще не дошли до того момента, когда наша пролетарская республика пополнится и укрепится союзом с другими пролетарскими республиками". В этот переходный момент мы и потеряли своего вождя. Для того, чтобы не поддаться унынию, для того, чтобы поддержать его дело, мы и должны вспоминать всегда и постоянно его основной урок, то, что придавало ему силы, что делало его величайшим строителем, величайшим вождем, что я пытался показать в этом кратком обзоре истории нашей партии. Это была ничем непреоборимая вера в творческие силы рабочего класса. Ильич в самые глухие годы реакции, в моменты поражений, когда, казалось, наши идеи и наше дело затоптаны жандармским сапогом, верил, что рабочий класс свое возьмет, классовый инстинкт пролетариата и классовый разум пролетарского коллектива выведут его на дорогу, укажут ему правильный путь. Когда накануне Октябрьских дней каждого из нас обуревало сомнение, справимся ли мы с великой задачей и устоим ли в неравной борьбе, Владимир Ильич, руководясь этой непреоборимой верой в разум трудящихся, говорил: „Мы поможем рабочему классу разрушить старый строй, а новый строй рабочий класс построит своими руками с ошибками, ошибаясь, падая и поднимаясь, и рабочий класс единственный, кто этот строй может построить". И были моменты, когда мы уже имели власть в руках, иногда буржуазная контр-революция подносила нож к нашему горлу, то в виде белогвардейской армии, то в виде голода, то в виде блокады, то в виде полной хозяйственной разрухи, когда, казалось, потеряны пути, Владимир Ильич стоял на своем посту потому, что верил: „—Нет, рабочий класс внутри себя имеет такие непреоборимые

силы, что, если для него расчистить путь, если опереться на него, если апеллировать к творческим силам рабочего класса, победа неизбежна“.

Вот эту веру в мозг, разум, в волю и руку рабочего класса Владимир Ильич нам завещал. С этой верой победа того дела, которое возглавил Владимир Ильич, несомненна. Объединение величайшего революционного опыта российского пролетариата с той остро отточенной гениальной мыслью и гибкой тактикой, пример которой нам дал Владимир Ильич,—вот залог наших дальнейших побед. И мы знаем, что мы нашли одно лекарство, чтобы залечить ту глубокую рану, которую чувствует и наша партия, и международный пролетариат после смерти Владимира Ильича. Одно лекарство и лекарство это называется—Ленинский рабочий призыв.

Партия, на которую смерть Владимира Ильича обрушилась громадным горем, инстинктивно в этот тяжкий момент апеллировала к рабочей массе, и рабочая масса откликнулась. Рабочая масса хочет ту рану, которая открылась со смертью Владимира Ильича, залечить собственными телами, они идут в ту брешь, которая открылась в нашей стране, когда погиб наш великий командарм, Владимир Ильич. К нам идут лучшие представители рабочего класса, которые действуют уже на основании опыта длинных, тяжелых лет гражданской войны, они действуют сознательно, веря в нас и испытав нас, и мы знаем, что имя Ленина окружено величайшим почтением и доверием и среди крестьянства, что для крестьянства Ленин есть истинный освободитель, для крестьян—беспартийных, не коммунистов, даже иногда отрицательно относящихся к коммунизму. Для этих крестьян в Ленине воплотилась та громадная роль, которую сыграл рабочий класс в деле крестьянства, ибо не было еще в мире революции, когда освобождение деревни, когда поднятие деревни к всемирной

исторической жизни было проведено так глубоко до конца с теми неисчислимыми за годы и десятилетия последствиями, как это сделал Владимир Ильич.

В одной своей статье Владимир Ильич говорит, что, чем бы ни кончилось это дело, но в нашей стране произошла такая встряска всех остатков капитализма, феодализма и царизма, как это не сделала ни одна самая развитая капиталистическая страна. Это чувствуют крестьяне, и если рабочий класс идет в нашу партию с сознанием своих классовых интересов, чтобы своими телами заделать ту брешь, которую, конечно, заделать нельзя, которая открылась с того момента, когда погиб Владимир Ильич, то крестьяне идут на поддержку нашему строительству также под знаменем Ленина, и под знаменем Владимира Ильича пойдет все международное пролетарское движение. Нет сейчас уже человека, имя которого звучало бы громче в пролетарских умах, в пролетарских сердцах, чем имя Ленина, и недалек тот час, когда к мавзолею на Красной площади мы принесем одну радостную весть, которую можно сказать на этой площади, весть о том, что дело Ленина, дело пролетарского коммунизма победило во всем мире.

Библиотека
Института В. И. Ленина

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Кормчий Октября—Сборник статей.

С. Гопнер—Ильич.

Э. Квиринг—Год без Ленина.

После смерти вождя—Сборник материалов и документов.

На смерть вождя—пьеса—Терабмола.

Жизнь Ленина—История РКП—Альбом.

Н. Ленин—Январьские дни 1905 г.

9-ое января (1905—1925)—Хрестоматия.

В. Невский—Январьские дни в Петербурге в 1905 г.

И. Сталин—Троцкизм или ленинизм?

Л. Каменев—Партия и троцкизм.

„ „ —Ленинизм или троцкизм?

Г. Зиновьев—Большевизм или троцкизм?

Э. Квиринг—В защиту ленинизма.

„ „ —Ленин, Заговорщичество, Октябрь.

Литературная полемика—по поводу книги т. Троцкого „1917“.

Молодежь и троцкизм—Сборник статей и речей.

В. Чубарь—Советская Украина.

ХРЕСТОМАТИЯ ЛЕНИНИЗМА

для руководителей

партшкол и ВУЗОВ

под редакцией С. Гопнер и Э. Квиринга.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

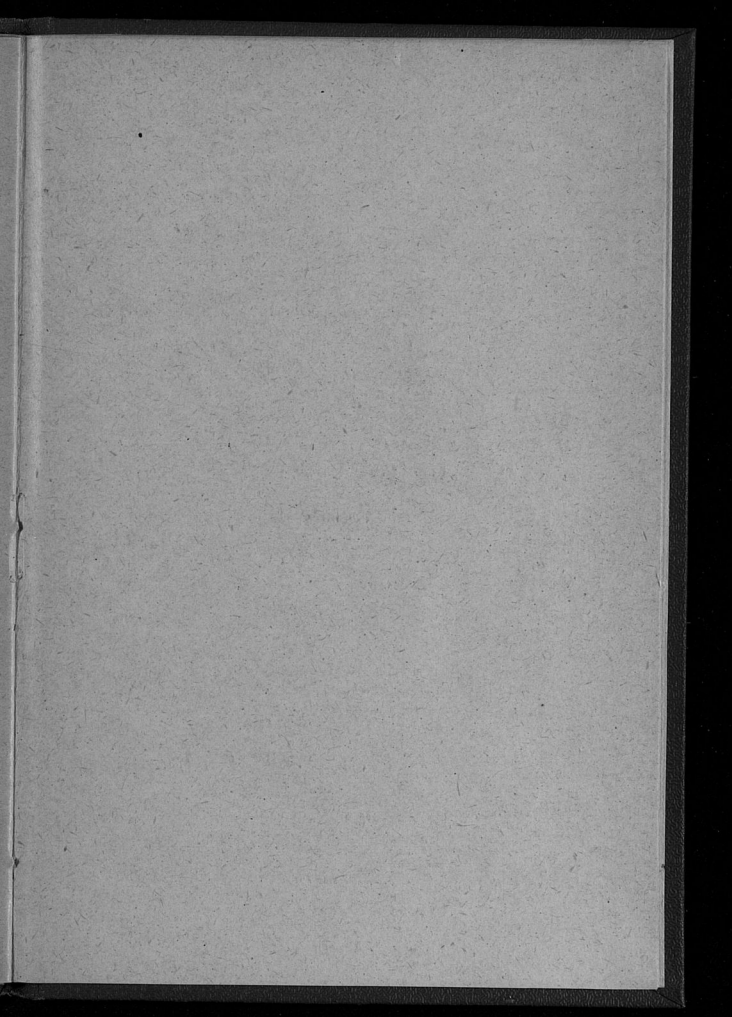
Н. Ленин — Этапы рабочего и профдвижения в России. Сборник статей и речей, с пред. М. Лядова.

Пролетарская революция и хозяйственное строительство. Сборник статей и речей, с предисловием тов. Сарабьянова.

Борьба с уклонами и оппортунизмом. Сборник статей и речей, с предисловием Э. Квиринга.

Мих. Левилов — Ораторы Октября.

КРАСОЧНЫЙ ПЛАКАТ К ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ ИЛЬИЧА.

ЦЕНА 15 КОП.

70к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07

Москва, Петровские линии 1/20. Тел. 3—01—99